

Содержание

Старый Рогаум и его Тереза. <i>Перевод В. Агаянц</i>	3
Пропавшая Фиби. <i>Перевод В. Агаянц</i>	35
Вынужденный выбор. <i>Перевод В. Агаянц</i>	60
Ловушка. <i>Перевод Е. Токарева</i>	93
Брак только лишь для одного. <i>Перевод В. Агаянц</i>	168
Условности. <i>Перевод Е. Ильиной</i>	189
Старые места. <i>Перевод Е. Ильиной</i>	222
Тень. <i>Перевод Е. Ильиной</i>	264
Пристанище. <i>Перевод Е. Токарева</i>	296
Тайфун. <i>Перевод Е. Токарева</i>	337

Старый Рогаум и его Тереза

На всей Бликер-стрит не было крыльца удобнее, чем у мясника Рогаума, пусть даже первый этаж дома целиком занимала мясная лавка, в которую попадали через главный вход. Крыльцо представляло собой боковую пристройку, откуда в жилые комнаты наверху вела лестница шириной по меньшей мере пять футов. Перед ней выдавалась вперед небольшая, огражденная с обеих сторон терраска, где миссис Рогаум с детьми любила сидеть летними вечерами. Внешнюю дверь терраски никогда не запирали, чтобы не доставлять неудобство мистеру Рогауму, который не смог бы подняться наверх другим путем. Зимой, когда все в доме отправлялись спать, случалось, запоздалые путники находили здесь убежище от снега или дождя. Временами мальчишки-газетчики ночевали на крыльце, пока этому не положил конец полицейский Магуайр, который в два часа пополудни заметил полуоткрытую дверь и решил заглянуть в нее. Он грубо растолкал мальчишек своей дубинкой, а когда те сбежали, подергал ручку внутренней двери, которая оказалась заперта.

— Вам следует запирать внешнюю дверь, Рогаум, — предостерег он невозмутимого мясника на следующий день, проходя вечером мимо его лав-

ки. — В дом могут забраться. Прошлой ночью у вас на крыльце ночевала пара ребятишек.

— Да и пускай, неважно, — добродушно ответил Рогаум с резким немецким акцентом. — Я ведь держу на замке внутреннюю дверь. Пускай себе спят. Мне все равно.

— А все же лучше запирайте ее, — возразил полицейский в основном из желания утвердить свое главенство. — А то как бы чего не случилось. Так и до беды недалеко.

Однако дверь терраски по-прежнему не запирали, и в этот летний вечер миссис Рогаум с детьми с удовольствием отдыхала в своем тихом уголке, наблюдая, как мимо проезжают трамваи, а порой поздние подводы. Дети играли на дорожке возле дома — все, кроме Терезы, юной цветущей девушки, которой едва исполнилось восемнадцать. Она прогуливалась вдоль квартала с жившей по соседству подругой, хорошенькой дочкой Кенрихана, смеялась, стреляла глазами по сторонам и поглядывала на парней. Старая миссис Кенрихан жила в соседнем квартале, девушки иногда задерживались там. Но чаще всего они притворялись, будто стоят там, а сами разговаривали с молодыми людьми в соседнем переулке. Особым вниманием девиц в здешних окрестностях пользовались два фатоватых сердцеда, юный Конни Олмертинг и Джордж Гуджон. Эти двое познакомились с девушками в обычной своей дерзкой мальчишеской манере, и с тех пор подруг каждый вечер одолевало нестерпимое желание прогуляться вдвоем по улице после восьми и как бы ненароком задержаться там, где юноши могли бы их увидеть и подойти ближе.

Старая миссис Рогаум не подозревала об этом. Это была очень тучная пожилая немка, всецело покорная своему дородному господину и повелителю, а поскольку тот давно решил, что девять часов самое подходящее и благопристойное время для отхода ко сну, она ежедневно в этот час поднималась наверх и укладывалась в постель. Сам старший Рогаум в это время закрывал лавку и шел к себе в спальню.

Но прежде громко звали домой детей — сначала с крыльца внизу, потом из окна наверху; в первый раз кричала миссис Рогаум, во второй — сам мясник. Случалось так, что, в силу некоторой снисходительности отца — не слишком, впрочем, заметной черты его характера, — старшую дочь приходилось окликать дважды, а то и трижды. Теперь же, когда Тереза связалась с девчонкой Кенрихана, ее нужно было звать долго, много-много раз.

Она была в том возрасте, когда бездумная чувственная жизнь неизъяснимо притягательна. Ей нравилось прогуливаться по еще оживленной улице, порой залитой лунным светом, среди шума голосов и смеха. Но как обидно, что в девять ее уже звали домой. Какие же скучные старики ее родители, и вздумалось им так рано ложиться спать! Миссис Кенрихан не была так строга со своей дочерью. Терезу немало раздражало, когда Рогаум, как это часто случалось, требовательно звал ее по-немецки своим грозным хриплым голосом: «Немедленно домой».

В конце концов она возвращалась, хмурая и несчастная, лунный свет манил ее, голоса ночи умоляли остаться. Все в ней противилось строгости родителей, зов юности заставлял ее приходить все позже и позже, и, наконец, к восемнадцатому году ее жиз-

ни она стала возвращаться домой едва ли не в десять, что неизменно приводило Рогаума в ярость.

— Я запру дверь и не впущу тебя, — грозил он на ломаном английском языке каждый раз, пока дочь пыталась проскользнуть мимо него. — Я тебе покажу. Ты должна приходиться, когда я говорю. Слушайся меня.

— Не буду, — отвечала Тереза, но всегда чуть слышно.

Бедная миссис Рогаум тревожилась, слыша гнев в голосе мужа. Это напоминало ей о прежних суровых и тяжелых временах, выпавших на ее долю. И все же она не обладала достаточной властью в семье, чтобы к ее мнению прислушивались, поэтому Рогаум бушевал, и никто не решался ему возразить.

Однако шли дни, вечера сменяли друг друга, и теперь, когда разбитные юнцы из соседнего переулочка привлекли внимание девушек, для Терезы настало поистине нелегкое время. Никогда еще улица не казалась ей такой красивой. Обшарпанные кирпичные стены, пыльные мостовые, широкие, выступающие на тротуар ступени магазинов и чугунные ограды представлялись ей нарядным убранством самого рая. А эти огни, автомобили, луна, уличные фонари! Терезе нравился хлыщеватый красавец Олмертинг, местный молодой бездельник и шалопай, сын торговца писчебумажными товарами, чья лавка располагалась чуть выше по улице. Какой же он славный, в самом деле! Какой у него красивый нос и подбородок! А глаза! И этот важный вид! Всякий раз при ней он появлялся с зажатой в углу рта папиросой и в чуть сдвинутой набок шляпе. Он лукаво подмигивал, дерзко брал ее под руку, бросал что-нибудь вроде: «Привет,

красавица!» А еще он был силен, прекрасно сложен и работал (когда ему случалось работать) на табачной фабрике. Собственно, юный Олмертинг собирался заниматься торговлей и почти преуспел в этом, как он уверял, бренчавшие в его карманах монеты подтверждали, что у него водятся собственные деньги. В общем, он был совершенно неотразим.

— Эй, а чем бы вам хотелось заняться? — спрашивал он обычно Терезу, когда старый Рогаум звал ее домой, затем лукаво склонял голову набок, прислушиваясь, и брал ее под руку. — Скажите ему, будто вы не слышали.

— Нет, я должна идти, — говорила девушка, нежная пухлая светловолосая красавица, истинная дочь Рейна.

— Да, но вам не обязательно идти прямо сейчас. Оставайтесь еще на минутку. Джордж, как звали того малого, что на днях пытался нас задирать?

— Тереза! — яростно ревел старый Рогаум. — Если ты сейчас же не придешь — пожалеешь! Ты у меня увидишь!

— Мне нужно идти, — повторяла Тереза и делала слабую попытку высвободиться. — Разве вы не слышите? Не удерживайте меня. Мне пора.

— О, как можно быть такой трусихой? Вам вовсе не нужно идти. Ничего он с вами не сделает. Мой старик тоже всегда так кричал. Только пару лет как перестал. Пускай себе шумит! Ах, малышка, какие же у вас прелестные глазки! Такие голубые! А ваш ротик...

— Перестаньте! Слышите? — мягко возражала Тереза, когда он проворно обхватывал ее за талию

и притягивал к себе в попытке поцеловать, подчас тщетной, но порой успешной.

Как правило, ей удавалось втиснуть локоть между своим и его лицом, но и тогда он ухитрялся коснуться губами ее уха, щеки или шеи, а иногда и губ, пухлых и теплых, прежде чем она успевала набраться сил и решимости, чтобы его оттолкнуть и вырваться. Тогда она с притворной суровостью отчитывала его или убегала.

— Я никогда больше не заговорю с вами, если вы будете так себя вести. Отец не разрешает мне целоваться с мальчиками!

Пристыженная, Тереза бежала прочь, пряча улыбку, а он смотрел ей вслед или же, если она медлила, изображал гнев или даже негодование.

— Да бросьте! Неужто вы и вправду такая пугливая? Разве я вам не нравлюсь? Да что на вас нашло, ей-богу? Эй!

А тем временем их спутники, Джордж Гуджон и Миртл Кенрихан, любезничали или разыгрывали похожую сценку в сотне футов выше по улице, а то и вблизи. Однако грозный хриплый рев старого Рогаума набирал силу, Терезу охватывало смущение и страх, и она спешила вернуться домой. Часто Олмертинг с Гуджоном и Миртл Кенрихан шли с ней до угла чуть ли не на глазах у старого мясника.

— Пусть себе зовет, — настойчиво уговаривал девушку молодой Олмертинг, сжимая на прощание ее белые нежные пальцы, отчего Терезу бросало в дрожь.

— О нет, — взволнованно задыхалась она. — Я не могу.

— Что ж, тогда идите, — отвечал он, резко поворачиваясь на каблуках и шагнул прочь, а Терезе оставалось только гадать, не оттолкнула ли она его навсегда. Затем она торопливо бежала к отцовскому дому.

— Я должен часами тебя звать, пока ты шатаешься по улицам? — гневно гремел старик Рогаум, мешая немецкие слова с английскими, и хлопал дочь мясистой ручищей пониже спины. — Вот тебе, получай! Почему не идешь, когда я зову? Живо в дом. Я тебе покажу. Попробуй еще хоть раз прийти в этот час, и мы увидим, кто в доме хозяин, так и знай! Если завтра придешь хоть на минуту позже десяти, ты у меня дождешься. Я запру дверь, и в дом ты не войдешь. Попомни мои слова! Останешься за порогом, за порогом! — И он свирепо провожал глазами удаляющуюся фигуру дочери.

Бывало, Тереза жалобно хныкала, бывало, плакала или угрюмо молчала. Она почти ненавидела отца за жестокость. «Грубый толстый дикарь», — ворчала она про себя. Ей так хотелось погулять по светлым оживленным улицам! Отец старый и тучный, уже в десять его тянет спать, но он думает, будто и все остальные должны отправляться в постель так рано. А за стенами дома было темное небо, усыпанное звездами, уличные фонари, автомобили, звон и смех иной, высшей жизни!

«Ох!» — вздохнула она, уже раздетая, и забираясь в свою аккуратно застеленную узкую кровать. Подумать только, что придется жить так до конца своих дней! Однако старый Рогаум был обозлен и настроен весьма решительно. Не то чтобы он подозревал, будто его Тереза попала в дурную компанию, скорее ему хотелось предотвратить подобную

возможность. Район этот никак нельзя было назвать спокойным. Вокруг полно было отчаянных молодых. Он хотел, чтобы Тереза выбрала себе какого-нибудь славного серьезного юношу из тех немцев, которых подчас встречали они с женой то здесь, то там, — в лютеранской церкви, к примеру. А иначе ей вовсе не следовало выходить замуж. Отец считал, что она просто прогуливается от дверей его лавки до дома Кенриханов и обратно. Разве не так говорила ему жена? Если бы старый Рогаум задумался, куда могли занести его дочь резвые ноги, или заметил, что поблизости околачивается этот бойкий красавчик Олмертинг, вот тогда пришел бы в ярость. Пока же особого беспокойства он не испытывал.

Так и шло из вечера в вечер, и много было этих вечеров. Иногда Тереза приходила вовремя, иногда нет, но все чаще Конни Олмертинг убеждал ее задержаться своим «успокойтесь» и покупал ей мороженое. Они не выходили за пределы тесного квартала и ближайших закоулков, медленно прохаживались по тротуару, поворачивали в боковые улочки и, обойдя несколько домов, шли в обратную сторону, пока не становилось слишком поздно. Тогда провинившаяся Тереза спешила домой, и угрозы звучали вновь. Молодой Олмертинг не раз пытался уговорить ее отправиться на пикник или на загородную прогулку, предлагал всевозможные развлечения, но в ее возрасте нельзя было и помыслить о таком, по крайней мере с ним. Тереза знала, что отец никогда не согласился бы отпустить ее, и не смела даже заикнуться об этом, а уж о том, чтобы сбежать тайком, и говорить было нечего. Стоило ей немного постоять с Олмертингом на углу соседнего переулка, одного этого было довольно, чтобы

отец строго ее отчитал, наградил тумаками и пригрозил, что в следующий раз вовсе не впустит в дом.

Тереза искренне старалась слушаться, но однажды светлым вечером в конце июня время пролетело слишком быстро. Луна светила так ярко, а ветерок был особенно нежен. Даже на этой пыльной улице в воздухе чувствовалось приближение лета*. Тереза в свеженакрахмаленном белом летнем платье медленно прогуливалась туда и обратно по улице вместе с Миртл, когда, как обычно, они повстречали Олмертинга и Гуджона. Уже настало десять часов, и послышались размеренные окрики.

— Эй, подождите минутку, — сказал Конни. — Пойдите. Он не запрет перед вами дверь.

— Нет, запрет, — возразила Тереза. — Вы его не знаете.

— Ну что ж, если запрет, возвращайтесь ко мне. Я позабочусь о вас. Я буду здесь. Но он такого не сделает. Если вы немного задержитесь, отец вас выпустит, будьте спокойны. Мой старик тоже пытался проделать со мной такую штуку, но ничего у него не вышло. Я не ночевал дома, и в конце концов он все же меня выпустил. Не позволяйте отцу издеваться над вами. — Он позвенел мелочью в кармане.

Никогда в жизни ему не приходилось брать на себя заботы о девушке в неурочный час, но Конни не прочь был похвастаться, вдобавок в кармане у него лежал ключ от клуба «Варик-стрит рустерз»,

---

* В Соединенных Штатах другой подход к определению временных границ сезонов: астрономический, а не календарный. Астрономическое лето начинается 20–21 июня — в день летнего солнцестояния. — *Примеч. ред.*